

В шуме прибрежного моря, каждый годен найти что-то своё. Кто-то мечту, кто-то любимую, а кому-то и этого будет все мало.

В бескрайних просторах морей и океанов, кто-то видит свободу.

В успешной попытке экспансии, наши недалёкие туземцы, отважные, но крайне безрассудные викинги, совершили отплытие от порта и к порту. Было бесстрашным невежеством и несуразной тайной, скрывать название места, куда прибыл Роулз с безнадёжным оптимизмом, Карла окутанная легкой ностальгической пеленой, Мари — с измученным желудком и Нилрем не подававший виду, что по горло сыт лечением Мари. Его магия велика, и он любит ею кичиться, но даже у неё были свои пределы, о которые упирается каждый живущий на земле организм.

Это ещё не было домом, но Карла, словно и не знала меньшей грусти, то и дело пугала прохожих своим проводящим взглядом. Так смотрит мать на сына, уходящего на войну.

Все были слишком измучены, чтобы продолжать путешествие. В безрадостной улыбке Роулза скрывались большие и темные круги. Он не переставал напоминать себе, что подобный образ жизни убьет его раньше, чем он найдет свою дочь. А ведь не одной дочерью едины. У Нилрема как бы не менее обширная семья.

И, если на счёт Рудэуса и Норн он был уверен. Первый был магом большого уровня, а вторая находилась под протекторатом Пола, то вот к Аише и Лили, Нилрем должен был признать, относился с огромным беспокойством.

И чем ближе они приближались, тем сложнее было просто сидеть и ехать. Вообще, с помощью простого заклинания летать то можно, но очень недолго. Грейрат уже пытался рассчитать траекторию полета снаряда в сорок килограмм на дальнее расстояние если он оттолкнется с помощью магии земли, но пришёл к выводу, что исцелять себя, а случае неудачного приземления он будет лишь на том свете.

Как и после длительного забега, путники обошлись легкой и незамысловатой передышкой в порту, дабы после, налечь ещё больше. Сейчас они как никогда были близки к родным землям, и кому как не Карле грустить о пришедшем, казалось бы, счастье.

Как и всегда, женщина расположилась в корме повозки, сидя на твердых досках, к которым даже успела привыкнуть. Как и вчера, Карлу не отпускали мысли о будущем, которое с каждым сделанным вдохом все ближе и ближе. «Куда она направиться дальше? Что будет делать? Кто её возьмёт одну с детьми?»

Извечные вопросы становились все чётче, а их громкость неумолимо растёт. Она не льстила себе, как это могло показаться и сразу считала себя в общем-то не столь и нужным членом ватаги. Вольные путники, такие как Нилрем и Роулз, могли и сами о себе позаботиться. Её карие глаза скозились влево, где на постоянной основе, словно зарезервировав и пометив собственное место сидела Мари. Мысли одинокой матери не могли оставить ту душку, которой считала Карла Мари. И все же Карла готовилась к худшему. Она готова была ожидать любых слов, уши полностью закалились, порождая воображаемый удар стальных слов: «Нам пора расходиться. Больше нам не по пути».

Но как известно, фантазии имеют свою основу и как правило не имеют ничего общего с реальностью. По-другому, фантазии звались бы догадками, но любой, кому по силам слышать мысли бедной женщины, назвал бы её мысли фантазией. Ни Роулз, на которого без боли не

взглянешь, ни Нилрем, для которого повозка двигалась не быстрее улитки, даже не пытались думать в подобном направлении. Им сама мысль казалась чуждой, инородной. Разве оставить мать с грудным младенцем, без ничего, посреди города не страшный грех, после которого тебя настигнет кара божья? А если и не божественная кара, так совесть точно загрызет как тот серый волк, который не так давно захаживал, посмотреть на приезжих. Даже он, не смел приблизиться к дряхлой повозке, на рефlekсах, скрываясь из виду. Нечего было волку на людской тропе делать.

У каждого на плечах была собственная голова и каждый был занят своим. По главному, единственное пятно безмятежности по-прежнему обращалось к великому магу Священной, а то и Королевской ступени воды, как с равным. Как с родным.

— Брат! — девушка пикнула, собираясь накинуться всем телом на легкого парня, но тот лязгнул её до нельзя раздраженным взглядом из-за чего первая чуть не споткнулась на ровном месте.

Нилрем благодарил судьбу, что не ему выпала участь сидеть рядом с неугомонной Мари. В пути, до привалов, их путь проходит в тишине, озаряемый редкими словцами острого, и не очень, характера. Но вот на привале, Грейрат сравнивал Мари с отжатой на доисторическом пульте кнопки паузы. Она подрывалась каждый раз, и каждый раз, маг был недоволен.

Начиналось все с безобидной шутки, и легкого учения, где Карла, под предлогом учёбы пихнула на парня большую детину. К счастью, а может и к горю, Нилрем взялся за её неблагодарное дело — учителя. Мотиватором для Карлы, служила не только забавная мордочка старшего из двух братьев Грейрат, когда тот бесился и хотел все разрушить, но и углубление связей Нилрема с Мари. Ничего такого, просто беспокойное сердце матери, которое приняло Мари как родную, сильно переживало за её будущее. Карла хотела, дабы Нилрем лучше учился заботиться о ближних, а там гляди и саму мать с ребёнком не оставит.

Маг же, согласился не сразу, и на горячую голову слал предложения по учебе подальше и поглубже, ведь он и сам ещё только обучался. Минула неделя с первой просьбы, а книги закончились, он полностью прочитал и даже успел перечитать весь фолиал по магическим кругам, которые в перспективе предлагали большие возможности по созданию артефактов. Беда в том, что проводить опыты надо специальными чернилами, на бумаге. Естественно мастера своего дела могут и без бумаги, и наносить круги на обычный предмет тем самым трансформируя его в артефакт. Проблема не в этом. Проблема в чернилах, которых нет и как осознал магик, ухватившись за дурную голову, ещё долго не будет. Тренировать, экспериментировать и улучшать понимание магических кругом было невозможно, разве что до дыр зачитывать книжку. Вот и согласился вольный маг, спустя полторы долгих недели, учить малышку Мари, не просто чтению и письму, но и магии. Науке, которая безропотно слушалась и повиновалась мальцу. Вот только:

— Иди к Карле, — словно это было ругательство, Нилрем едва не выплюнул слова. Пускай и тихие, но незамедлительно осужденные слова мага встретила та же Карла, перестав стучать черпаком в котле. Через долгих три вдоха, Карла поманила Мари к себе за котёл.

— Поди ко мне, кажется, у Нилрема плохое настроение. Поучу тебя готовить, — Карла ещё раз зыркнула в мага, впила свои глазницы в его, но так и не нашла там и намёка на жалость, за содеянное.

Впрочем, это не помешало магику встать, отряхнуться и пройтись к кромке леса, где он сдавленно выдохнул застывший в лёгких воздух.

Глаза, что налиты синевой, мазнули по несущественной, хлипкой фигуре.

— Чего тебе?

— Тебе прямо сказать? — Роулз не продолжал тянуть длинную паузу, и все же сказал: — Извинись. Хотя бы перед Мари.

— С чего бы? Я не хочу.

Охотник повел плечом, вдруг усмехнувшись. Это была лёгкая, еле заметная усмешка, подобно давно-позабытой плоской шутке.

— Ведёшь себя и вправду как маленький. Не все вымыло, да Нилрем?

— Разве? Впрочем, тебе со стороны, в безопасности виднее.

Улыбка Роулза мигом скривилась и тут же поблекла. Как мужчина, а главное лидер команды, у него были обязанности, которые он и пытался выполнить. Команда это ведь в первую очередь — доверие и согласованность. Без доверия никто тебе спину прикрывать и не будет.

— Нилрем, я не хочу с тобой снова ссориться, я просто хочу узнать ответ, зачем ты накричал на Мари? Что она сделала не так?

Мальчик повёл головой, оставляя вопрос без ответа, направляя глаза к небу. Не было в его мыслях злого умысла, а духи не пытались туманить голову. Мари все делала так, она молодец.

«Все дело во мне», сколь человеку неприятно копать в осином гнезде, столь и Нилрему было неприятно размышлять. И не просто над тем, как ответить полуэльфу, как лучше кольнуть острым словом, а над тем, куда он идёт. Идёт как маг.

Нилрем от досады чуть не проговорил: «Верен ли мой путь?» Сперва сузив глаза, а после расширив, парень нырнул в небо и принял широту полета мысли. Рано или поздно, но маг понимал. Ему придется в себе покопаться.

Путь в тысячу Ли, начался так просто и легко, что поначалу преград и вовсе не было. Там, где другие бьются годами, он даже не увидел барьера, сумел выйти на ранее недостижимый уровень. Легкая рана? Отсутствие конечности? Вершина лечебной магии покорена. Если ранее, в уши Грейрату попадались рассказы о лекарях, в чьих силах вернуть конечность, то сейчас, он задавался вопросом, а что выше? Лишь мельком, как-то раз, Рокси, за привычным обеденным столом у первого этажа, ещё когда Рудэус тянулся ей заглянуть под юбку, упоминала о заклинании исцеления божественного ранга. То должен быть огромный фолиант, спрятанный в тайных подземных укрытиях Милиса. Была надежда, что уж он-то наверняка лечит не просто все, но и дарует бессмертие в придачу, как побочный эффект, на деле же, божественное заклинание длиной в целую книжку лечит всего одну болезнь. Страшную как дикое животное, которому поддалась магия и он превратился в Магзверя, но болезнь. Редкую болезнь лечила такая же редкая магия. В остальное время, это просто безделушка, которую для солидности спрятали от глаз.

Но вот, не было ничего, что было до этого. «Выше священной ступени нет ничего? А как же королевская? Императорская?» Дикая мысль словно парализовала юное дарование. За каких-то несколько лет, он выучил весь раздел магии? Нилрем собирался смеяться долго и громко, но остановился, когда понял, что так и есть. То, на что у мудрецов этого мира уходили десятилетия жизни, Нилрем освоил за два года. Более того, он вышел за рамки своего уровня,

как мага. Создал магию крови. Нилрем позабыл в каком мире находится. Здесь не существует глобальной сети, которая уже и после полувека своего существования, для одного человека стала неиссякаемый потоком знаний. Нилрем слишком быстро оказался на вершине одной из главных магий, которую выбрал как основную. словно взял неправильный курс, не тот билд.

Но проблема не в ограниченности магов этого мира, проблема в том, что и знания парня из далёкого будущего потихоньку начинали заканчиваться. Он упирался в неминуемый потолок своих знаний и умений. Уже чувствуя предел, касаясь стены собственными руками. И это пугало завседато гордого мага. Рушило саму основу его Эго — талант.

Перед глазами Нилрема, как только он вглядывался в небо, лежал не бескрайний простор, не полная свобода, а три барьера, которые нужно пробить, перешагнуть или обхитрить. Последний, из трёх Нилрем не видел, он ощущал его, но никогда не понимал, чем тот является.

Первой из преград — запас собственный сил. Она же Мана.

Да, объем маны Нилрема несравнимо больше самого сильного встреченного ему на пути мага. Правда он едва дотягивал до десятой части объема брата. В текущий момент Нилрем не мог и не собирался тратить все до последней капли, а ведь раньше считал, что не сможет потратить весь свой резерв. Он был глупцом. Магия крови, тренировки, эксперименты, все это сжигало магическое топливо словно это был дешёвый бензин.

Зелья маны, о которых так долго расспрашивал Нилрем в городах, нет и никогда не было. А значит, пополнить запас невозможно.

Второй преградой были знания. Пускай и полученные от другого, но все школьные знания Нилрема были безупречны. И они заканчивались как тот же мешок с деньгами. Пополняется он, к сожалению, очень и очень медленно.

И третий барьер потолка, который не замечал и сам Нилрем, таился не в самой магии её силе, познания или возможностях. Он крылся в самом маге. Суть Нилрема не позволяла тому прыгнуть выше головы пока он не увидит противника выше. К чему стремиться, если считать себя самым сильным? По правде, мысли Нилрема иногда сворачивали в симуляцию собственного боя. Он против кого-то из мечников, овладевших своим стилем на ранге бога. И Грейрат не редко представлял себя победителем.

Прогулка же по миру, слегка поддела ту уверенность, но ничего особо нового он не заметил. Чего и говорить, ведь охотник близ леса, такой как Роулз не считал других угрозой страшнее Магзверя, которого он убивал. Размяк по долгу службы. Нилрем не совсем такой. Он не размяк, но считается с каждым встречным новым врагом все меньше и меньше. Не был далёк тот памятный день, когда Нилрем зазнается, обожжется на собственной гордыне, которая к тому моменту возрастёт до небес и будет подобна дневному солнцу.

Опустив голову, Нилрем посмотрел на костёр, над которым бурлил котел, разнося весь вкус на поляну. Ещё секунда, и звери сунут пасть поближе. На то, тут, в окрестностях и суёт Роулз, охраняет, как бы никто не зашёл на огонёк. Карла улыбкой о чем-то ворковала с Мари, которая в смирении замерла и сверкающими глазами кивала, на все её слова. словно дочка и её ворчливая мать на четыре руки кухарят.

Всего на краткий миг, силуэты двух женщин размылись, а на их место ступили родные Нилрему Зенит и Лили, Лили и Рокси, Рокси и Зенит. Поочередно сменяясь каждая фигура то уменьшалась, то увеличиваясь.

«Разве я прикричал на Рокси? А на Мачеху или Лили?»

Мгновение тишины и парень покачал головой, конечно же нет. Он благодарен всем тем, с кем жил бок о бок больше семи лет, он благодарен своему учителю. Большой срок, и не менее уникальный урок. То, что его тяготит не меньше чем застой, было странное, но тяжёлое чувство. То, что так старательно накапливалось и не выплескивало свою суть ещё, наверное, с момента как он родился. Чувство вины.

— Нилрем, — Роулз уверенно позвал парня, который уже спокойно перевёл на того взгляд. Охотник решил лишь только увидел глаза. — Ты все можешь исправить.

Слова оказались сильны. Столь сильны, как удар в гонг на трибуне. Внутри Нилрема едва заметно дрогнула защита. Один из барьеров, что укрыт остальными слегка дрогнул, и покрылся всего одной, малюсенькой трещиной.

«Я могу все исправить». И Нилрем кивнул. Вновь переведя дух, парень шагнул к своей ненаглядной ученице.

Тревога ушла, а зависть, которая скопилась за неделю словно утекла сквозь пальцы, подобно воде. Ведь Мари не плоха. Пускай и начала изучать магию в столь позднем, как считал Грейрат веку, но девочка была слушна и старательна. Настоящий талант. Успехи девочки ложились неприятным ярмом на застой мага. Его сердце тихо обливало завистью. Ведь Мари делала успехи, а он нет. Как бы парень не кичился своим талантом, как бы не гордился собственной силой и знаниями, у всего был предел. Нилрем приблизился к своему слишком близко.

Изначально же, Грейрат взялся за учение Мари из-за Роулза. Вернее, его словах о Сильфетты. Нилрем отлично помнил слова благодарности, мол парень отлично поднатаскал его дочь. Тогда маг не сумел сказать правды, ведь не он учил Сильфи, все заслуга Рудэуса.

Мари, появилась как проба пера, проба собственных сил и умений. Как ни странно, это признавать гордецу, но он хотел доказать себе, что умеет учить. Он хотел знать, что не хуже отучил бы Мари, чем Рудэус Сильфи.

Это было в начале. Ну а после и сами все видели. Парень сорвался, не принимая таланта, за которым так гнался. У Мари есть подвижки, у него нет. Этого хватило с лихвой, дабы сегодня на привале, искренние побуждения Мари были задушены в самом начале завистью Нилрема.

Только через две тысячи вдохов, то есть полтора часа, и закончив борьбу с внутренними демонами, Нилрем ушёл к Карле и Мари.

Подобно матери и её слегка схожей копии, Мари вполне уверенно нарезала овощи. В третий раз, острое ножа сверкнуло под лучами солнца и девочка вскрикнула тихое: «Ай!» Карла и бровью не повела. Она стояла спиной к неродной дочери, лишь прикрыв глаза на новый писк.

«Снова поранилась», Карла не раз замечала подобную неуклюжесть, впрочем, она смело могла похвастаться кому угодно, что Мари очень старательна.

После лёгкого вскрика, Мари отложила разящее оружие и закинула рану в рот. Указательный палец оказался ранен не глубоко, потому спустя три секунды, она украдкой шепнула несколько слов.

— Свет наш, даруй нам силу и здоровье. Хиллинг, — словно соткана из изумрудной вуали, рука засияла на миг, и этот мига хватило, чтобы согнать с пальца порез, оставляя только розовую,

новую кожу.

Дева улыбнулась, лишь раз сжав и разжав ладонь, после чего с новой силой взялась за готовку. Глаза сверкнули, подобно ножу в её руках, и остро резанули салат. Мясо оставили Карле, она возится с ним, не особо доверяя его Мари. Если только не задумает сделать кровянку, то и не будет выдавать своей пришедшей дочурке мясо зверей. Сама Мари слабо понимала других. Нилрем остался в её голове не меньше истинны в последней инстанции, а потому девочка и не думала перечить. Брат, Учитель, слова, которые для Мари слились в один незамысловатый синоним. Ей было неприятно услышать раздражённое: «Иди к Карле!» Поначалу девушка даже надула щеки в знак протеста, к сожалению этот протест видела лишь Карла. Чуть поднаторев, остудив голову, и вернув себе свои привычные повадки, девочка нашла для себя самое логичное объяснение из всех.

Не потребовалось даже приложить пальцы к вискам или усердно думать. Оправдание Нилрема появилось быстро и резко.

«Он сильно устал», в мыслях повторяла Мари, уже не считая поведение «брата», странным или жестоким. Своего рода, она и сама пытается подражать магу.

Улетев со своими мыслями выше головы, нож опасно сверкнул и вновь чуть задел правую руку. Будто лопнул мыльный пузырь, все мысли разлетелись, от очередного тычка боли.

— Ай, — тихо прошипела Мари, с опущенными бровями смотря прямо на рану. Она переводила хмурый взгляд то с пальца на нож и наоборот, словно пыталась выяснить, кто из них больше виновен. Длилось подобное недолго, Мари уже открыла рот и приподняла руку, как на неё легла другая рука.

— Не помню, чтобы ты была такой неумехой, ученица, — Мари перевела глаза, встречаясь ими со взглядом учителя. И тут же заулыбалась, как глупая простушка перед своим королём.

— Брат!

— Прикрой рот, мне в него заглядывать не хочется, — отмахнувшись от закрывшегося рта, парень ловким взмахом перехватил на себя нож. Он шагнул назад и этим же орудием готовки погрозил Мари. — Если не умеешь, то и не берись, а если хочешь научиться, то смотри и слушай.

Не дав своей ученице и вдоха, чтобы осознать сказанное, Нилрем сам взялся за резку овощей. Быстрые, точные движение ножа вымели с головы девочки все лишние мысли, и она, как верная ученица, лишь пристроилась рядом, под боком, по команде подавая новые овощи для резки. Округленные глаза и выточенное словно из мрамора лицо застыло в немом удивлении. Мари и раньше считала Нилрема очень талантливым братом, но ещё ни разу ей на глаза не попадалось его умение ножа.

Кто бы сказал, ей, что сам Нилрем умеет и знает, как готовить. Нарезать салат каждый сможет, но вот правильно составить все съедобное так, чтобы этим не зазорно было даже ближнего угостить уже сложнее. Мари не имела той остроты зрения, какой она была у Роулза или даже у Карлы, будь она точно так же, рядом с магом, и от них не ускользнули бы мелкие порезы на его руках, которые зарастали слишком быстро, чтобы их успела заметить Мари.

Она кстати, только сейчас, опомнилась, и приподняла руку. Считая, что палец ещё не излечен, ей вновь открылась дивная сторона её учителя. Рука словно блестела от свежести и новизны. Мари бросила взгляд на светлые волосы, который шевельнулись, подобно живому существу, но

все это было обманом, иллюзией, ведь шевельнул головой Нилрем, а не сами волосы.

— Мне не нравятся раны, ни на моем теле, ни на чужом. Береги свои руки.

Оправдывался ли Нилрем за лечение? Верно подметила Карла, которая сидела в десятках шагах от двух голубчиков. Она приложила руку к щеке и тихо пропела сказочку на ночь маленькой Джинкс.

— Боже-боже... его не исправить.

<http://tl.rulate.ru/book/84638/3191915>